

Бах-бах.

Ни с того ни с сего сквозь тропические заросли хлынул шквал ливня.

Разумеется, это была магия — в центральный патио, где мы сидели, не упало ни капли. Я, не закрывая глаз, прокручивал в голове слова наследного принца, пытаюсь понять, что он вообще имел в виду.

— Это... шутка по-хенекенски? — спросил я. — Типа, чтобы завести девушку, надо сначала подкатить к её шурина?

— Шутит здесь разве что принц, — ответил он.

Улыбка исчезла с его лица, и запах наследного принца заполнил оранжерею так, что у меня закружилась голова. Бабочки разлетелись, мелкие зверушки попрятались. Лицо у него было поразительно спокойным, а я задыхался, будто меня душили. Внизу живота пульсировала боль, жар нарастал. Казалось, будто алкоголь, которого я и капли не выпил, растёкся по венам и в конце концов добрался до нервов в мозгу.

— Я хочу, чтобы между нами появился наследник.

Ровно через неделю после того, как я оказался в стране главного героя, он швырнул в меня такую бомбу.

— Элизабет, кажется, меня замуж выдадут. Ха... ха-ха...

От моего голоса — то ли смеющегося, то ли рыдающего, совершенно безумного — Элизабет заскулила и щедро облизала мне лицо. Наследный принц не шутил. Он всерьёз сказал мне — роди ребёнка.

□Это не принуждение, но я бы очень хотел, чтобы вы ответили положительно.□

Он сказал, что это не принуждение, но для меня, у которого не было никакого способа отказаться, разницы не было. Я не осмелился прямо там сказать: «Но я же мужчина», — поэтому просто сослался на дела и ушёл.

— Почему... почему я?

Я, точнее, Карл Линдберг, пусть и выгляжу симпатично, но ведь с любой стороны — мужчина.

Нет, правда, это вообще допустимо?

Даже если наследный принц берёт мужчину... ребёнка что, магией делают?

Он сказал, что принцесса Лея не может выйти замуж, потому что она «альфа». Значит, альфа — это не прозвище и не титул. В исторических хрониках Линдвайрской империи, по сути материнской для Линдберга, пол императриц не был отдельно указан. А после того как власть перешла к Линдбергам, хроники и вовсе превратились в панегирики королевскому дому — поэтому я и перестал их читать.

В голову вдруг пришли открытые, свободные хенекенцы. Если напрячь память... среди поздравляемых мужчин один вроде бы был с округлившимся животом. Я машинально засунул

руку под брюки — но органам, из которых может появиться ребёнок, там просто неоткуда было взяться.

— Что же я упустил?

Давай подумаем, кого я вообще встречал.

Во-первых, родители Карла Линдберга. Их имён я даже не помню — видел их по пальцам пересчитать. Частично потому, что я намеренно избегал встреч, но и они сами редко выходили из своих покоев. Король был слаб здоровьем и подолгу не покидал комнату, королева иногда находилась при нём, а чаще держалась возле канцлера Китчнера.

Дальше — сам канцлер Китчнер. Он часто бывал в замке Линдбергов, но в основном — в кабинете или на приёмах, так что мы почти не пересекались. Его липкий взгляд был неприятен, но я списывал это на вкусовщину.

Потом — знать. Они без конца рассыпались в комплиментах внешности, но ни разу не упоминали, что я мужчина, способный выносить ребёнка. Эти типы, как рэперы с билбордов, хвастались деньгами и любовницами, так что я избегал их, как наступившего в дерьмо. Да и встречался с ними всего несколько раз.

— Это всё потому, что я слишком замкнулся!

Я хлопнул ладонью — Элизабет от неожиданности подпрыгнула.

Если бы я хоть немного больше разговаривал с людьми, я бы заметил это раньше. Тут явно что-то не так. Даже Марко, самый близкий ко мне, не сказал, что моё тело способно к беременности.

Либо наследный принц ошибся. Либо ошибался я.

Мечта, которую я выстроил, глядя на полных жизни людей Хенекена, начала трескаться. Атмосфера при дворе была мягкой, главный герой относился к нам доброжелательно. Всё это внушало надежду: Лее Линдберг больше не придётся жить, как птице в клетке, а я смогу прожить новую, настоящую жизнь на месте, где главные герои уйдут.

Я радовался и тому, что наследный принц часто навещал меня — думал, это шанс сблизиться через принцессу Лею.

Но героиня оказалась вовсе не героиней, а главный герой, которого я считал будущим шурином, оказался... моим. Моим!

— Отцом ребёнка!

Элизабет, кажется, я уже порядком надоел. Глядя, как я становлюсь всё более истеричным, она начала потихоньку от меня отодвигаться.

— И этот проклятый династический брак! Я думал, это для сестры! Если бы знал, что это на меня повесят, я бы ни за что сюда не приехал!

Я считал Лею Линдберг идеальной героиней ещё и из-за темы династического брака. На каждом приёме знать собиралась кучками и болтала: мол, такая красавица, уже взрослая — пора бы готовить династический союз, словно это дело решённое. Из всех женщин брачного

возраста там была только Лея.

Когда канцлер чуть было не выдал Лею замуж под своим давлением, я, подумав «А, вот оно, первое испытание героини», не постеснялся лечь на пол и устроить сцену, чтобы помешать.

Но, выходит, речь шла не о Лее Линдберг, а о Карле Линдберге? Чёрт побери!

— Киии-и...

Элизабет уселась и задней лапой начала яростно чесать ухо.

Ну совсем бездушная стала. Раньше ведь не такой была. Когда я рассказывал о сестре... о том, как ей было тяжело. Раньше. Или уже в прошлой жизни, получается.

— Принц, простите, что опоздал. Я по дороге встретил служанку принцессы Леи — она просила зайти. Но... что вы делаете?

Марко отчитал меня за отсутствие достоинства, увидев, как я, сидя на полу, удерживаю Элизабет за зад.

— Маарко, я не хочу быть принцем.

— Опять вы за своё! Родились принцем — как можно не быть принцем? Неврастения — страшная штука. Говорят, после свадьбы всё проходит. У омег перед течкой нервы острые, вот и у вас...

— Что? Ты... ты знал?

— Что знал?

Я подскочил к Марко, схватил его за плечи и затряс.

— Что я... что я могу выйти замуж за наследного принца!

— Ого, принц. Вы и правда говорили, что у вас провалы в памяти... Неужели и это забыли?

И это тоже? Да как я должен был догадаться, если мне никто слова не сказал!

Хотелось биться о пол. Я вместо этого ударил себя по бедру и задышал тяжело. Марко, глядя на меня, побледнел — зрачки метались. Похоже, дело серьёзное.

— Вы прекрасно помнили имя его высочества... я... я думал, вы, конечно, держите это в уме...

— Принц ведь был поздним для доминантного омеги, мы все переживали. Говорили, что с другими альфами не получается... что вы бережёте себя ради наследного принца...

Чем холоднее становилось выражение моего лица, тем тише говорил Марко.

Другие альфы. Доминантный омега. Что это вообще такое?

— Я... я бета, так что плохо в этом разбираюсь. Что же делать...

Течка? Да у обычного мужика течка триста шестьдесят пять дней в году!

Голова закружилась.

— Принц? Принц!

Сознание уплывало. Голос Марко, лай Элизабет — всё отдалялось.

Чон Чжэ Ён, идиотка... Что за роман ты вообще читала?!

— Канцлер Линдберга за последнюю неделю трижды присылал запросы.

Белфри приподнял монокль. Таинственные фиолетовые волосы и глаза были отличительной чертой рода Хендрик — правой руки императорской семьи на протяжении многих лет.

— Натерпится? — с улыбкой произнёс наследный принц, поднося к носу жемчужину, зажатую в ладони. Лёгкий аромат фиалок окутал его. Чем дольше вдыхаешь, тем сильнее тянет. Я слышал, что феромоны не меняются... но всё же.

— Похоже, он боится, что принц свяжется с вами узами.

— Какие ещё узы, мы знакомы всего ничего. Я пока не могу полностью доверять принцу.

Белфри посмотрел на наследного принца искоса.

Наследный принц, развалившийся в кресле с закинутыми на стол ногами, на первый взгляд выглядел беспечным и даже распущенным. Но его молочный брат прекрасно знал: внутри него дремлет огромный волк. И знал он также, что сейчас этот волк впервые пренебрег разумом и действует, повинаясь инстинктам.

— И всё же... — произнёс он. — Такой человек, как вы, стоило принцу лишь выйти на связь — и вы тут же отправились за ним?

Ведь десять лет назад, получив от него пощёчину, вы скрипели зубами и клялись, что раз и навсегда отказываетесь от своей безответной любви.

Белфри, бросив на наследного принца косой взгляд, увидел его лёгкую улыбку и тихо вздохнул.

<http://bllate.org/book/13881/1265818>